

Уровни Шпиневиля, с первого по девятый, имели высоту более девяти метров. Пустого пространства над головой с лихвой хватало даже для медведюдов, так что местные обычно заполняли его, возводя вдоль улиц трёх- или четырёхэтажные домики.

Но апартаменты «Мятное масло», находившиеся на третьем уровне, отличались.

Их построили пятиэтажными.

В итоге высота комнат оказалась меньше 1.90 метра. Многим представителям высокорослых от рождения рас приходилось сгибаться в три погибели, чтобы пройти в главный вход.

Линь вполне обоснованно подозревал, что именно из-за низких потолков он вырос лишь на шесть сантиметров за три года «бурного роста» после своего перемещения.

Второй причиной являлось недостаточное питание. Мясо в подземном городе стоило очень дорого. Яйца были немного дешевле, но, по сравнению с крахмалом и грибами, всё равно считались роскошью.

Апартаменты «Мятное масло» располагались недалеко от окраины грибного леса. От конечной трамвайной остановки до него оставалось всего двадцать минут пешком.

Это место не считалось безопасным. Сложная территория грибного леса постоянно изменялась, а скрывавшиеся в нём монстры, звери и культисты превращали его в дом преступлений и убийств.

Инквизиция каждую неделю направляла туда отряды для зачистки. Однако глубины леса оставались настолько грозными, что даже отряды инквизиторов не осмеливались заходить в них слишком далеко.

Однажды одни радикалы предложили просто сжечь относительно безобидную внешнюю зону — но это создало бы слишком большое количество углекислого газа, так что Центр атмосферной безопасности, следящий за давлением и содержанием кислорода в городе, выступил с протестом. Муниципалитет же заявил, что грибы — это бесплатный источник пропитания для многих бедняков. Даже если за сбор грибов в лесу порой приходилось платить жизнью, это всё же было лучше, чем массовый голод.

И да, под «платить жизнью» тут не подразумевались «красная шляпка и белая ножка».

Без сомнений, никто бы не стал здесь жить, если бы имел альтернативу. Грибной лес окружали трущобы Шпиневиля, и апартаменты «Мятное масло» считались чуть ли не элитным жильём во всей округе.

Толкая каталку и лавируя между грибными торговцами и мелкими перекупщиками личинок

(подземный город освещался электричеством, и частные предприниматели придерживались своих собственных расписаний), Линь шёл по липкой земле. Добравшись до места назначения, он открыл дверь апартаментов, замок на которой не работал уже как два года.

Холод и сырость ударили ему в лицо, а его шаги заставили сенсорную лампу в холле коротко вспыхнуть. Она мигнула лишь разок — и, как будто решив, что свою задачу выполнила, больше не включалась.

К счастью, этого мигания хватило, чтобы Линь увидел на лестнице фигуру зевающего человека.

Будучи земным чистокровным *homo sapiens*, Линь, в отличие от многих зверолодов, не обладал ночным зрением; но он знал, кто именно мог ожидать его в это время.

— Пятнуля! — позвал он. Со стороны лестницы тут же ударил луч света.

Быстрые топающие шаги приблизились, пухлый мальчик лет двенадцати-тринадцати, размахивая фонариком, врезался в Линя и обнял его за талию:

— Линь! Ты так поздно пришёл!

От такого удара у Линя чуть не выскочил из желудка грибной бургер.

«Как же этот мальчишка умудрился столь округлиться, если он не ел никакого мяса, кроме насекомых?»

Линь предположил, что это была генетическая особенность короткошёрстных синих котов. Он бросил взгляд на украшающие голову серые ушки мальчика, и похлопал того по макушке.

— Хватит тереться. Я принёс еду. Сначала помоги мне всё это донести.

Пятнуля ещё пару раз потёрся о него, затем отлип и принялся разглядывать наполненную каталку.

— Ого... Ух ты! Как много всего! Что это, Линь?

— Это лекарства, популярные в Содальвиле. Что конкретно и сколько — я написал на этом листе. Завтра сбегай к Ректиху, передай ему — пусть найдёт канал сбыта. Понял?

— Угу... Ух, как пахнет! Ты еду принёс?

— ...Ты ведь совсем не слушал, что я говорил, да?

Разговаривая и пыхтя, они вдвоём занесли сумки на второй этаж. Даже каталку затащили, потому что из холла её могли украсть, и тогда Линю пришлось бы платить компенсацию подразделению логистики из своего кошелька.

Открыв дверь 203-й квартиры, Пятнуля, пухлый синий котолюд, нажал выключатель в гостиной. Он швырнул сумки в угол и, не помыв руки, полез в бумажный пакет, который Линь положил на стол.

Линь хлопнул его по тыльной стороне ладони, и мальчик, посмеивавшись, побежал в ванную в конце коридора, а потом вернулся обратно, стряхивая с пальцев капли воды.

В свете лампы на его носу выделялось тёмное пятнышко, но оно только добавляло очарования его круглому лицу — даже сейчас, когда он яростно грыз буррито и подбирал упавшие на стол грибные кусочки.

Линь же посмотрел в сторону закрытой двери спальни справа от гостиной.

— Хвостик уже спит?

— Ухум, — прочавкал Пятнуля. — Она хотела дождаться тебя, но слишком долго смотрела букварь.

— Ты сегодня нормально ходил в школу? — спросил Линь, повернувшись к нему.

— Конечно! — грудь Пятнули выпятилась от гордости. Он всё ещё доедал буррито.

— Покажи домашку, — Линь протянул руку, не собираясь верить на слово.

Пухлый кот сразу сник. Медленно взяв тетрадь с другого конца стола, он подал её Линю.

Линь, который накануне был в командировке, сначала проверил домашку за вчерашний день. Под ней красовалась отметка «сдано».

— ...

Затем он посмотрел на задание за сегодня. Судя по записям в начале, ребёнок успел выполнить только треть, а остальное отложил на поздний вечер.

Линь не стал его ругать, а просто сказал:

— Ты должен закончить до того, как пойдёшь спать.

Пятнуля надул щёки.

— Я закончу!

Потом мальчик робко глянул на Линя.

— Линь, а можно я сегодня посплю с тобой?

Обычно Линь разрешал, но не в этот раз.

— Нет. Сегодня в полночь у меня ритуальная практика. Спи в гостиной.

— Оу... — Пятнуля разочарованно сник.

Линь снова похлопал его по голове — словно погладил кошку — и пошёл в ту самую спальню, на дверь которой смотрел ранее.

Внутри спальни стояли только двухъярусная кровать и большой жестяной ящик, который использовался как стол. Стул отсутствовал. Чтобы работать за «столом», приходилось пододвигать ящик к кровати и садиться на её край.

Сейчас он как раз там и стоял, на нём лежали книги. На книгах спала девочка-мышелюдка лет шести-семи. На её голове росли большие круглые уши.

Линь наклонился, вытащил из-под неё тетрадь и также проверил её содержимое — всё было выполнено. Тогда он осторожно поднял девочку и уложил на верхнюю полку двухъярусной кровати.

«Один день без чистки зубов — ничего страшного», — подумал он, укрывая мышелюдку. Но в этот момент снизу раздался слабый кашель.

Линь опустил взгляд и спросил:

— Парамба, я тебя разбудил?

Нижний ярус занимал подросток, тоже мышелюд, с такими же круглыми ушами и коричнево-серыми волосами.

Он выглядел очень нездорово — чрезвычайно худой, с почти серой кожей. Рядом с ним стоял кислородный мешок, а на руке под одеялом виднелась капельница — вещь, которую трудно было представить в такой бедной семье.

Раствор в капельнице уже закончился, но мальчик не хотел будить сестру, поэтому просто лежал с иглой в руке. Линь ловко вынул иглу, вытащил металлический наконечник из трубки и бросил его в чашу на «столе» — завтра Пятнуля прокипятит его для дезинфекции.

Затем он сел на край кровати и приложил тыльную сторону ладони ко лбу подростка.

— Как самочувствие? — спросил Линь.

— Без изменений, не переживай, — слабо улыбнулся Парамба. — Завтра, наверное, смогу что-нибудь поесть. На этой неделе тебе не придётся покупать мне питательные смеси.

— Питательные смеси не испортятся за пару дней, — ответил Линь, убирая руку.

Но её внезапно схватила худющая рука Параибы, испещрённая следами от уколов.

У этого подростка-мышелюда были редкие для его расы васильковые глаза. Линь ещё помнил, как до болезни в них будто бы отражалось голубое небо. Но теперь это небо покрывали тяжёлые тучи.

— Не беспокойся, Линь, — тихо произнёс он. — Доктор говорил, что я смогу продержаться до тех пор, пока мы не соберём деньги на лечение. Не переутомляй себя.

Линь немного растерялся, но, встретившись с ним взглядом, сразу всё понял.

«Да что же это такое? Ладно я ещё не смог скрыть своё напряжение от пронизательного начальника, но вот от ослабевшего больного!..»

— Дело не в деньгах на лечение, — уверенно солгал он. — Просто на работе возникли проблемы. Не волнуйся, всё под контролем.

Сказав это, он убрал руку Параибы под одеяло.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... Линь, как повезло, что ты у нас есть...

Линь, уже идя выключить свет, обернулся с лёгкой усмешкой.

— Это мне повезло. Если бы вы тогда не спасли меня, не поделились едой и кровом, не научили бы основным знаниям, я бы давно умер от голода.

«Или сошёл с ума, пытаюсь найти путь домой. И, возможно, попробовал бы покончить с собой, надеясь на мизерный шанс вернуться обратно».

Ради переселения души почему бы и не рискнуть? Но, скорее всего, ему бы даже смерть не помогла попасть в старый мир.

Пятнуля, брат и сестра Масима, Ректих Уайтмо и Снежноцапка Койоти — эти пятеро беспризорников с окраины грибного леса и так частенько голодали, но всё же решили спасти его, человека, который был старше, выше, крепче; который только что покинул современное общество; не умел ничего, кроме как учиться; да ещё и являлся привередливым едоком.

Когда Линь захотел поступить на курс подготовки ритуалистов в инквизиторскую школу — с условием, что если он не поступит в Инквизицию после выпуска, то задолжает огромную сумму — они категорически не соглашались. Но в итоге, когда он окончательно принял данное решение, ребята нашли старые учебники на свалке и помогли ему подготовиться к вступительному экзамену.

Линь всё ещё скучал по родителям и одноклассникам, но эти дети с улицы тоже стали его семьёй.

Чтобы досрочно окончить обучение, он два года занимался до изнеможения.

Но это было так, пустяком. «Всё, что с помощью труда и учёбы решалось, серьёзной проблемой не являлось», — считал Линь, человек из современного мира.

Проблемы — это то, что не решалось, сколько усилий не прикладывай. Как болезнь Параибы.

Год назад он захворал — генетическое заболевание, уже достигшее средней стадии. Чтобы его вылечить, требовалось вмешательство высокоуровневого кровеплотяного целителя — а это стоило огромных денег.

Если бы тогда Линь не поклялся, что у него отличные оценки и его уже почти приняли в одно из отделений Инквизиции, Парайба, возможно, отказался бы от лечения.

А теперь он рисковал быть арестованным как злобная сущность, так что ему стоило зарабатывать быстрее — ведь, если правда всплывёт и за ним придут, их семья потеряет последнюю надежду.

Линь вошёл в свою комнату, закрыл дверь, ненадолго замер, а затем запер замок.

Молодой человек с перевязанными глазами и тёмными волосами немного постоял; после глубоко вдохнул; подошёл к большому железному ящику, который служил ему столом, и достал из него зеркало с отколотым краем.

В осознанных снах он использовал именно зеркала как медиум для активации силы.

«Итак...»

Линь поднял зеркало и взглянул на своё отражение.

Хотя он смотрел прямо на гладкую поверхность, его глаза в ней не отражались. Это поначалу казалось странным, но Линь уже привык.

Пристально побурился взглядом зеркала какое-то время, он понял, что ничего не происходит, и быстро пришёл к выводу, что чего-то не хватает.

Если бы его сила активировалась так просто, то это бы происходило каждый раз, когда Линь ходил утром в ванну умываться.

Значит, требовалось дополнительное условие. Сон? Или...

Он немного поразмышлял, а затем, глядя на отражение, произнёс:

— Кристабель Померан.

Как только эти слова были сказаны, восприятие реальности резко изменилось.

Казалось, его сознание покинуло тело и погрузилось во тьму. Перед глазами Линя пронеслись бесчисленные зеркала, как это бывало в тех снах, что он иногда видел за последние три года.

Перед ним остановились два зеркала. В одном он увидел своё лицо.

Другое размером не превосходило ладонь и не имело чёткой формы, будто было просто осколком.

Линь посмотрел сквозь маленькое зеркало и увидел складки одежды; пальцы, державшие зеркало; затем чёрные зрачки Кристабель Померан и, наконец, угол комнаты, где она находилась.

На белой занавеске, висевшей у кровати, красовался ярко-красный крест Святого Сердца — это означало, что пёсолюдка находилась в больнице, подведомственной церкви Матери

Первозданной Крови.

Другие люди в поле зрения отсутствовали. Линь хотел попробовать заговорить с Кристабель, но замер.

Хотя он видел только её, какое-то внутреннее ощущение, эдакое предчувствие, подсказало ему: рядом с палатой находилось нечто, что прямо-таки сочилось злым намерением.

<http://bllate.org/book/12612/1119953>